

Речь Эмиля Анри

Эмиль Анри

1 марта 2019 г.

Я не защищаюсь и никоим образом не пытаюсь увильнуть от расправы того общества, на которое напал. Кроме того, я признаю только одного судью над собой — себя самого. Вердикт же любого другого судьи для меня ничего не значит. Выступаю же я здесь только лишь с целью объяснить всем свои действия и рассказать, что сподвигло меня на их осуществление.

Я стал анархистом не очень давно. В революционное движение вступил лишь в середине 1891 года. До этого я жил в кругах, насквозь пропитанных нынешней моралью. Я был приучен уважать и даже любить принципы отечества, семьи, власти и собственности.

Нынешнее поколение учителей слишком часто забывает одну вещь: жизнь, с её борьбой и поражениями, циничностью и беззаконием, бесцеремонно открывает глаза на реальность тем, кто её игнорирует. Это случилось и со мной, так же как случается со всеми. Меня учили, что жизнь легка, что её двери распахнуты для того, кто умён и энергичен, в то время как мой опыт показал мне, что только циники и лизоблюды имеют шанс на места в первом ряду.

Меня учили, что наши социальные институты основаны на справедливости и равенстве, я же не увидел вокруг ничего, кроме вранья и обмана.

С каждым днём иллюзии таяли всё сильнее. Куда бы я ни пошёл, всюду я видел как одним людям достаются страдания, а другим — праздность и радость. Я быстро понял, что те великие слова, которые меня учили почитать: честь, преданность, долг, были лишь маской, скрывающей самые постыдные подлости.

Фабрикант, наживший колоссальное состояние на труде рабочих, лишённых всего, был благочестивым джентльменом. Депутат и министр, чьи загребушие руки всегда тянутся за взяткой, честно служили обществу. Офицер, испытавший новый тип винтовки на семилетних детях, выполнял свой долг и был публично поздравлен председателем совета в парламенте! Всё, что я видел, возмущало меня, и мой разум привлекла критика нынешней общественной организации. Эта критика уже звучала столь часто, что сейчас нет нужды её повторять. Достаточно лишь сказать, что я стал врагом тому обществу, которое счёл преступным.

Поначалу выбрав социализм, я достаточно быстро покинул их партию. Во мне было слишком много любви к свободе, уважения к личной инициативе и слишком

много отвращения к военщине, чтобы пополнить ряды призывной армии четвёртого сословия. Кроме того я понял, что социализм не меняет ничего фундаментального в сложившемся порядке. Он сохраняет принцип власти, и что бы ни говорили об этом самозванные вольнодумцы, этот принцип сам по себе — не более чем отжившие своё остатки веры в высшие силы.

Научные исследования постепенно заставили меня осознать и понять протекающие в мире процессы. Я стал материалистом и атеистом, я осознал, что современная наука отвергает гипотезу о Боге, в котором больше нет необходимости для объяснения природных процессов. Точно так же должны быть отвергнуты религиозная и авторитарная мораль, основанные на ложных предположениях. В чём же, спросил я себя, заключается новая мораль, которая находится в гармонии с законами природы, которая может излечить старый мир и которая даст рождение счастливому человечеству?

Именно в тот момент я и познакомился с группой анархистов, своих товарищей, которых я и по сей день считаю лучшими людьми, которых когда-либо знал. Меня тут же покорила характер этих людей. Я обнаружил в них великую искренность, полную откровенность, тотальное отрицание всех предрассудков. Я хотел понять идею, которая создала людей, столь отличных от всех, с кем я сталкивался до того момента.

Идея — как только я с ней ознакомился — нашла в моём разуме почву, уже достаточно удобренную моими предыдущими наблюдениями и опытом, чтобы стать плодородной. Это просто дало точность тому, что уже и так существовало во мне в расплывчатой и колеблющейся форме. Так я стал анархистом.

Случай, по которому мы все здесь собрались, не благоприятствует тому, чтобы я пересказывал вам всю теорию анархизма. Сейчас я лишь хочу поговорить о её революционном аспекте. О разрушительном и отрицающем аспекте, который в конечном итоге привёл меня сюда.

В этот момент ожесточённой борьбы между средним классом и его врагами, я испытываю большой соблазн повторить слова Суварина из «Жерминаля»: «Все рассуждения о будущем преступны, поскольку они препятствуют чистейшему и предельно понятному разрушению, тем самым замедляя ход революции...»

В свою борьбу я привнёс тотальную, яростную ненависть, которая каждый день подкреплялась созерцанием этого общества, в котором всё низко, всё двусмысленно, всё уродливо, где абсолютно всё препятствует потоку человеческой страсти, благородному биению сердца, свободному полёту мысли.

Я хотел нанести удар настолько сильный и справедливый, насколько мог. Давайте начнем с первой попытки, которую я предпринял, со взрыва на улице Бон-Энфантс. Я внимательно следил за событиями в Кармо. Первые вести о забастовке переполнили меня радостью. Казалось, что шахтеры, наконец, отказались от тех бесполезных мирных забастовок, когда доверчивый работник терпеливо ждет, пока его несколько франков одержат победу над миллионами компании. Казалось, что они вступили на путь насилия, которое особенно решительно проявилось 15 августа 1892 года. Офисы и здания шахты были захвачены толпой людей, уставших от безвозмездных страданий и лишений. Правосудие вот-вот должно было свершиться над инженером,

которого так ненавидели его работники, когда решили вмешаться наиболее робкие из них.

Что это были за люди? Это те самые люди, которые уводят все революционные движения от своих истинных целей, так как боятся, что человек, действующий свободно, больше не будет их слушать. Те, кто убеждает тысячи людей терпеть лишения месяц за месяцем, чтобы затем апеллировать к этим же лишениям и увеличить за счёт этого свою популярность, которая приведёт их к власти. Эти люди — я имею в виду лидеров социалистов — фактически захватили руководство забастовочным движением.

Тут же в регионе появились словоохотчие господа, которые якобы присоединились к борьбе, организовали сбор подписей, устроили конференции, обратились ко всем сторонам за финансированием. Шахтёры отдали всю инициативу в их руки, а что случилось дальше, нам всем хорошо известно.

Забастовка всё продолжалась и продолжалась и шахтёры как никогда близко познакомились с голодом, который стал их постоянным спутником. Они израсходовали крошечный резервный фонд своего синдиката и организаций, пришедших им на помощь, и затем, по прошествии двух месяцев, они вернулись, упавшие духом, в эту яму, ещё более несчастными, чем когда-либо прежде. А ведь в самом начале было бы так просто нанести удар Компании в её единственную уязвимую область — в её финансы: сжечь запасы угля, сломать горные машины, уничтожить дренажные насосы.

Тогда, безусловно, компания очень скоро капитулировала бы. Но великий первосвященник социализма не допустил таких методов, ведь это же анархистские методы! В таких вещах ему грозил бы риск тюрьмы и — кто знает? — может даже одной из тех пуль, которые так хорошо сработали в Форми? Таким способом не получить места в муниципальном совете или законодательных органах. В общем, на мгновение потревоженный, в Кармо снова воцарился порядок.

Ставшая ещё более могущественной, Компания продолжала свою эксплуатацию и господа акционеры поздравляли друг друга со счастливым исходом забастовки. Теперь получение дивидендов было бы для них особенно приятным.

Именно тогда я решил прервать этот концерт счастливых тонов голосом, который буржуа уже слышали, но который, как они напрасно полагали, умер вместе с Равашолем — голосом динамита.

Я хотел показать буржуазии, что впредь их радость не пройдёт без последствий, что их наглые триумфы не останутся без ответа, что их золотой теленок будет сильно шататься на своем постаменте пока последний удар не повергнет его в грязь и кровь.

В то же время я хотел донести до шахтёров, что есть лишь одна категория людей, которые искренне переживают за их страдания и хотят отомстить за них — анархисты. Такие люди не сидят в парламенте, как месье Гед и его соратники, но идут на гильотину.

Итак, я приготовил бомбу. Вспомнив одно из обвинений против Равашоля, я задумался: как насчет невинных жертв? Очень скоро я решил этот вопрос. В здании, где имелись офисы компании Кармо, жили только буржуа; следовательно, не было бы ни в чем не повинных жертв. Вся буржуазия живет эксплуатацией несчастных

и должна вместе искупать свои преступления. Так что я был абсолютно уверен в справедливости своего поступка, оставив бомбу перед дверью в офис Компании.

Я уже объяснил свой расчёт на то, что если бы устройство было обнаружено до того, как оно сработает, то взорвалось бы в полицейском участке, где все пострадавшие также являются моими врагами. Таковы были мотивы, побудившие меня совершить попытку из первого пункта моего обвинения.

Давайте перейдем ко второму инциденту — «Кафе Терминус». Я вернулся в Париж во время дела Вайлэнта и стал свидетелем ужасных репрессий, последовавших за взрывом в Бурбонском Дворце. Я был свидетелем драконовских мер, которые правительство предпринимало против анархистов. Повсюду были шпионы, обыски и аресты. Толпы людей хватили без разбора, отрывали от семей и бросали в тюрьмы. Никого не волновало, что станет с жёнами и детьми наших товарищей, брошенных в тюрьму.

Анархист больше не считался человеком, его объявили зверем, на которого всюду охотились, в то время как буржуазная пресса, эти гнусные слуги властей, истерично требовала его истребления.

В то же время либертарные газеты и брошюры были объявлены подлежащими изъятию, а право на собрания было отменено. Хуже того: когда властям нужно было убрать одного товарища, они подослали к нему своего человека, подкинувшего ему в комнату коробку с веществом, в котором, как он потом сказал, содержался танин. На следующий день был произведён обыск по ордеру, датированному предыдущим днём, в ходе которого была обнаружена эта коробка с подозрительным порошком, товарищ был доставлен в суд и приговорен к трем годам тюремного заключения. Если хотите узнать правду, спросите об этом того гнусного шпиона, которого подослали в дом нашего товарища!

Но все эти меры были хороши, потому что были призваны наносить удары по врагу, который распространял страх, а те же, кто подвергался этому страху, изо всех сил старались продемонстрировать своё мужество. В качестве апогея этого крестового похода против еретиков мы услышали, как министр внутренних дел М. Рейнал заявил в палате депутатов, что меры, принятые правительством, привели к ответному террору со стороны анархистов. Но им всё было мало. В итоге человек, который никого не убивал, был приговорён к смертной казни. Ведь господам до самого конца было необходимо выглядеть храбрыми, и потому, одним ранним утром, тот человек принял смерть на гильотине.

Но, господа буржуа, вы слишком сильно положились на своего хозяина. Вы арестовали сотни мужчин и женщин, вломились в десятки домов, но вне тюремных стен всё ещё остаётся достаточно неизвестных вам людей. Они наблюдают из тени как вы охотитесь на анархистов, и только и ждут, когда им представится удобный момент поохотиться на охотников.

Слова Рейнала были вызовом для анархистов. Перчатка брошена. Бомба в кафе, говорите? Терминус — это ответ на все ваши нарушения свободы, на ваши аресты, на ваши обыски, на ваши законы против прессы, на ваши массовые ссылки, на ваши гильотины. Но зачем, спросите вы, атаковать мирные кафе? Гостей, которые сидели там, слушая музыку, и которые, без сомнения, не были ни судьями, ни депутатами, ни чиновниками? Зачем? Ответ очень прост. Буржуазия не различала анархистов.

Вайян, бросивший бомбу, действовал в одиночку. Девять десятых товарищей даже не были с ним знакомы. Но для вас это ничего не значило, репрессии были массовыми и преследовался любой, кто имел хоть какие-то связи с анархистами. Поскольку вы возлагаете ответственность одного человека на всё движение и бьёте без разбора то и мы будем бить без разбора.

Может быть, нам следует нападать только на депутатов, которые принимают законы против нас, на судей, которые применяют эти законы, на полицию, которая нас арестовывает? Я не согласен. Эти люди всего лишь инструменты. Они действуют не от своего имени. Их функции были определены буржуазией для ее собственной защиты. На них не больше вины, чем на всех вас. Те «добрые» буржуа, что не занимают никаких постов, а лишь пожидают дивиденды и праздно живут за счёт труда рабочих, точно так же должны получить свою порцию расправы. И не только они, но и все те, кто удовлетворен существующим порядком, кто аплодирует действиям правительства, становясь его соучастниками. Те клерки, которые зарабатывают триста-пятьсот франков в месяц и ненавидят людей еще сильнее, чем богачи, те глупые и претенциозные люди, которые всегда выбирают сторону сильнейшего — иными словами, вся эта постоянная клиентура Терминуса и других замечательных кафе.

Вот почему я ударил наугад, не выбирая каких-то конкретных жертв! Буржуазия должна чётко уяснить, что страждущие устали страдать, они показывают зубы и если вы будете с ними жестоки, они будут наносить ещё более жестокие удары. Они не ценят человеческую жизнь, поскольку буржуазия показала, что ей самой нет никакого дела до неё. Не убийцам, ответственным за кровавую неделю и за Форми, называть других убийцами.

Мы не пощадим ни женщин ни детей буржуа, потому что буржуа не пощадил ни женщин ни детей наших близких. Разве не стоит считать невинными жертвами детей, медленно умирающих от анемии в трущобах, потому что в их домах нет хлеба? Или женщин, бледнеющих в ваших мастерских, работающих за сорок су в день, для которых большая удача, если бедность не вынудит их заниматься проституцией? Или стариков, которые всю жизнь провели за вашими станками и которых вы выбрасываете за порог словно мусор, когда их силы истощаются?

Хотя бы наберитесь храбрости признать свои преступления, господа буржуа, как и то, что наше возмездие абсолютно обоснованно.

Конечно, я не питаю иллюзий. Я знаю, что многие ещё не готовы понять мои поступки. Даже среди рабочих, за которых я боролся, многие, введенные в заблуждение вашими газетами, будут считать меня своим врагом. Но это не имеет значения. Меня не волнуют чьи-либо суждения. Так же как и не волнует тот факт, что существуют отдельные личности, называющие себя анархистами, которые спешат отказаться от любой солидарности с пропагандой действием. Они стремятся обозначить острое различие между теоретиками и террористами. Слишком трусливые, чтобы рисковать собственной жизнью, они отрицают тех, кто действует. Но влияние, которое они якобы оказывают на революционное движение, равно нулю. Это поле открыто для действий, здесь нет места слабости или бегству.

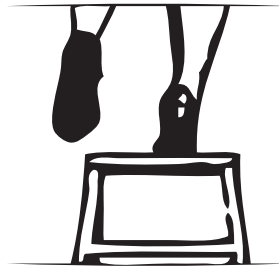
Александр Герцен, русский революционер, однажды сказал: «нужно выбрать: быть освистанным и идти вперёд или быть прощённым и сойти на полпути». Мы не соби-

раемся ни каяться, ни возвращаться, мы всегда будем идти вперед, пока революция, к которой мы стремимся, наконец не увенчает собой наши усилия, сотворив новый, свободный мир.

В этой безжалостной войне, которую мы объявили буржуазии, мы не просим пощады. Мы несём смерть и мы готовы принять её сами. Так что я жду вашего приговора с полнейшим безразличием. Я знаю, что моя голова не последняя, которую вы отсечёте. Погибнут и другие голодающие, которые уже начинают видеть путь к вашим роскошным кафе и ресторанам, к Терминусу и Фойоту. Вы добавьте и другие имена в кровавый список наших смертей.

Вы вешали в Чикаго, рубили головы в Германии, душили в Хересе, расстреливали в Барселоне, гильотинировали в Монбризоне и Париже, но вам никогда не убить анархию. Её корни слишком глубоки. Она рождена в сердце гниющего и рушащегося общества. Она — это силовой ответ установившемуся порядку. Она — это все эгалитарные и либертарные устремления против власти. Она повсюду, а значит её невозможно сдержать. И в конце концов она убьёт вас.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Эмиль Анри
Речь Эмиля Анри
1 марта 2019 г.

Скопировано 2019-03-02 с <https://telegra.ph/Rech-Emilya-Anri-03-01>,
также доступно на
<https://naroborona.info/2019/03/02/rech-emilya-anri-na-sude/>

ru.theanarchistlibrary.org